

Кирилл Зубков (Санкт-Петербург)
Андрей Федотов (Тарту)

Роман И. И. Панаева «Львы в провинции» и журнал «Москвитянин»

Роман И. И. Панаева «Львы в провинции», печатавшийся в «Современнике» в 1852 г. (№ 1—9), стал одним из центральных узлов в литературно-критических спорах между журналами «Современник» и «Москвитянин». Критики «молодой редакции» «Москвитянина» особенно обращали внимание на «светский» характер произведений сотрудников «Современника». В частности, в статье Б. Н. Алмазова «Сон по случаю одной комедии» некрасовский журнал представлен в виде некоей группы людей, охарактеризованных так:

На лицах удал; манеры изящны, небрежны — «бонтонны» и напоминают собой манеры русских актеров, исполняющих роли *jeunes premiers*;¹ брюки пестры; жилеты яркие; сюртуки коротки; волосы завиты; духи разительны, фразы испещрены французскими, испанскими и португальскими словами; в очи вставлены лорнетки; в сердце вложено самодовольствие и сознание собственного достоинства [Алмазов 1982: 225].

С точки зрения сотрудников погодинского журнала, светские люди не могут рассматриваться как серьезные деятели литературы. Роман Панаева, содержащий подробнейшие описания светских нравов, не мог не быть использован критиками «Москвитянина» как аргумент в пользу «светского» характера этого журнала и самого Панаева. Уже первая часть романа заслужила уничижительный отзыв А. А. Григорьева:

Неприятнее всего то обстоятельство, что отношения автора к его львам мягче, чем бы следовало; чтобы изображать достойным литературы образом такие явления жизни, писателю должно уйти от них на такое расстояние, чтобы каждая их черта, каждая подробность являлась читателю пораженной и осмеянной. В противном случае впечатление от повести будет такое же, какое испытывается в обществе льва [Григорьев 1852а: 81].

¹ Первые любовники (*фр.*).

Отзываясь о других частях «Львов в провинции», Григорьев выделял отдельные фрагменты и эпизодические образы как относительно удачные [см.: Григорьев 1852б: 29]. Вскоре же он поддержал резко критический отзыв А. В. Дружинина о романе [см.: Григорьев 1852в: 147—150], после чего повторил упреки в адрес Панаева как великосветского писателя, которые уже высказывал. Панаев обычно резко возражал Григорьеву. Интересно то, что на этот раз он ответил не в очередной статье от лица Нового поэта, а в самом романе.

Большой сериальный роман, части которого готовились прямо к очередной книжке журнала, оказался удобной площадкой для сведения литературных счетов. На пренебрежительные отзывы «молодой редакции» «Москвитянина» Панаев ответил в 22-й главе (5-я глава 3-й части), которая была опубликована в августовском номере «Современника». Центральным событием этой главы является смерть одного из персонажей — «угреватого поэта» Василия Вязникова.

В предыдущих частях «Львов в провинции», сюжетное действие которых разворачивалось в поместной провинции, Вязников участвовал в борьбе за любовь Надежды Кондратьевны — жеманной, но одновременно целеустремленной гувернантки главной героини романа Катерины Павловны. Образы всех трех претендентов на руку Надежды Кондратьевны намеренно сниженные, карикатурные. Это, кроме Вязникова, сосед-помещик Илья Семенович, автор подражательных стихов в духе восемнадцатого века, и Вихляев, спутник-прихлебатель при графе Елецком. Сама история вокруг Надежды Кондратьевны, которая поочередно отдает предпочтение то одному, то другому претенденту, очевидно, была нужна для того, чтобы комически оттенить развитие отношений между Елецким и Катериной Павловной. Характерно поэтому, что, когда в 3-й части романа действие перемещается в Петербург, Илья Семенович, победивший в итоге своих соперников и женившийся на Надежде Кондратьевне, да и сама Надежда Кондратьевна, полностью сходят со сцены.

Вихляев же и Вязников переезжают вслед за главными героями в Петербург. Вихляев выполняет в окружении Елецкого роли шута и козла отпущения и, таким образом, участвует в создании собирательного портрета этого окружения, а потому оказывается в столице закономерно. В переезде же в Петербург Вязникова нет решительно никакой необходимости. Единственная проблема, связанная с этим персонажем после разрешения коллизии вокруг Надежды Кондратьевны, очевидно, сводилась к тому, что его нужно было убрать со сцены более или менее логичным образом. Вместо того чтобы оставить его в провинции и забыть, как было сделано с Ильей Семеновичем и Надеждой Кондратьевной, Панаев решает привезти Вязникова в Петербург и убить.

Очевидно, что в основании этого решения — задачи не художественного порядка. Что же успевает сделать за свое короткое пребывание в Петербурге «утреватый поэт»? Отправленный родителями для определения на службу, Вязников не воспользовался рекомендательными письмами и очень скоро израсходовал выданные ему деньги. При посредничестве приятеля ему удалось продать скопом все свои стихотворения за 25 рублей и устроиться фельетонистом к одному журналисту:

И он принялся деятельно и горячо за свою новую обязанность: по поводу какого-то лубочного романа написал огромную статью, в которой говорилось о древнем эпосе, потом о значении новейшего романа, о Сервантесе, о Вальтере-Скотте, да кстати уж и о Рене Шатобриана, о Вертере Гете, об Обермане Сенакура и об Адольфе Бенжамен-Констана... Ни Гегель, ни Гервинус, ни Ретшер не были забыты в этой превосходной статье, которая была в сущности вся сшита из старых журнальных статей, из одной немецкой эстетики, из предисловий к Оберману и к французскому переводу Вертера и напичкана кстати и некстати выписками из Ретшера. По поводу игры какого-то посредственного актера новый критик написал целый трактат о драматическом искусстве, ставил этого актера в параллель с великими новейшими артистами: с Мекреди, с Фредериком Леметром, которых он никогда не видал, всеу вызывал из могил тени Тальмы, Гаррика, Кина, и опять уж завел речь о Шекспире, о значении Гамлета и прочее и прочее [Панаев 1860: 436—427].

Перечисленные здесь характерные особенности критической работы Вязникова — это, в сущности, те же самые претензии, которые повторялись в адрес Григорьева петербургскими критиками. Ключевые сигналы, по которым читатели должны были узнать в Вязникове критика «молодой редакции» «Москвитянина» — это: 1) увлечение немецкими эстетиками; 2) неумение или нежелание соразмерять масштабы фигур, о которых приходится писать; 3) стиль старых русских журналов; 4) длинные выписки из Гервинуса и Ретшера, главным апологетом которых в России в это время был именно Григорьев.

Приведенный фрагмент о работе Вязникова можно соотнести с конкретными высказываниями Григорьева. Философические рассуждения о значении гениальных произведений всемирной литературы появляются, например, в подписанной легко раскрываемым инициалом Г. рецензии Григорьева на альманах «Комета». Рассуждая о повести А. В. Станкевича «Идеалист», критик неожиданно сопоставляет ее главного героя с Гамлетом [см.: Григорьев 1851а: 171]. Выписки из Ретшера встречаются в статье «Летопись московского театра» [см.: Григорьев 1851б], которая открывается пространным эпитафием из немецкого критика, причем эпитафия этот приведен на немецком языке, а его перевод на русский дается только в середине статьи. В этой же статье, наполненной рассуждениями о природе актерского таланта, упоминаются знаменитый деятель английского театра Д. Гаррик и актер Э. Кин. Пространные рассуждения о природе театра, таланте великих актеров и прочих проблемах потребовались Григорьеву для того только, чтобы охарактеризовать манеру игры В. В. Самойловой.

Сам Панаев, высмеивая стиль григорьевской «Летописи русского театра», указывал, в частности: «...“Москвитянин” в длинной-предлинной статье своей о г-же Вере Самойловой, с эпитафиями из немецкого философа Ретшера <...> напомнил мне счастливое время моей ранней юности и русские журналы, издававшиеся в то время» [Панаев 1851а: 10].

Наиболее интересным в приведенном фрагменте «Львов в провинции» представляется упоминание о «старых журнальных статьях». Это выражение в критике 1-й половины 1850-х годов употреблялось, чтобы намекнуть на сочинения В.Г.Белинского, прямо называть которого было невозможно в силу цензурных ограничений. Панаев в своем романе обвиняет Григорьева в копировании идей Белинского. Причины, по которым это раздражало Панаева, становятся более ясными из контекста журнальной полемики. Дело в том, что критики «молодой редакции» «Москвитянина» постоянно попрекали своих литературных оппонентов — и не в последнюю очередь самого Панаева — забвением основных эстетических принципов подлинного искусства, в числе которых были «художественность» и «объективность». Обо всех этих принципах Белинский постоянно писал в своих ранних статьях. В одной из статей, специально посвященных «Современнику», Григорьев обвинял журнал и лично Панаева в нежелании обращать внимание на эти принципы и доктринальным тоном сообщал Новому Поэту базовые понятия эстетики, объясняя это тем, что необходимо иногда «проходить зады» [Григорьев 1851в: 342]. Разгневанный Панаев в ответ обвинил критиков погодинского журнала именно в том, что они некритично и зачастую неточно воспроизводят идеи Белинского:

Новый Поэт действительно не подозревает редакцию «Москвитянина» в провозглашении высоких и новых истин, потому что истины, провозглашаемые ею теперь, в 1851 году, с небольшими изменениями и *неудачными применениями*, высказываемы были десять лет назад тому в одном из журналов, в котором он тогда участвовал. Вы сами не имеете претензии выдавать их за *новые*, но замечаете, что необходимо иногда повторять зады... Для кого? Повторяйте зады, если вам это нравится, но повторяйте их *для себя*, а не для публики и не для нас, потому что зады эти мы выучили твердо наизусть еще в оригинале и до сих пор не забыли их; но теперь, после десяти лет, мы очень хорошо понимаем, что в этих задах было ложное и что истинное. Для чего же нам повторения? [Панаев 1851б: 6—7].

Таким образом, с точки зрения Панаева, Григорьев, во-первых, пытался присвоить наследие Белинского, на что не имел никакого права, а во-вторых, в непристойном тоне вел полемику, бесосновательно заподозрив публику и своих оппонентов в невежестве. Именно эти упреки и отразились в романе.

Однако для нас в данном случае важнее то, что Панаев очень компактно, но точно схватывает и суммирует те характерные недостатки, которые отмечаются критиками этого времени в статьях Григорьева. Например, очень похожие претензии к «Летописи московского театра» содержатся в «Пантеоне» Ф. А. Кони:

Г. Аполлон Григорьев составил себе идеи об искусстве, основанные на самых странных противоречиях, и излагает их с пифическим жаром, с какой-то фантастической нетерпимостью чужих убеждений, вычурным языком и без всякого соблюдения форм, принятых между образованными людьми в беседе их с публикой и притом в беседе о предметах и лицах достойных всякого уважения.

Нужно ли г. Григорьеву говорить о каком-нибудь фарсе или о мелодраме, сшитой по известному образцу, исходная точка у него всегда одна и та же — Шекспир. Это делает статьи его чрезвычайно забавными, и тем более забавными, что, сделав себе из Шекспира фетиша, он сам его не понимает [Кони 1852: 13].

Это привлечение Григорьевым Шекспира для объяснения шаблонной мелодрамы, конечно, очень напоминает вязниковскую критику лубочного романа с заходом в древний эпос и «значение новейшего романа».

Высмеивается в «Львах в провинции» и стиль Григорьева. Для этого приведен отрывок из статьи, сочиненной Вязниковым:

«И не понимают *они* — восклицал угреватый поэт (к кому относилась эта речь, он утвердительно сам не знал) — и не понимают они высшего значения искусства, и недоступна им, скользящим по поверхности жизни, схватывающим одни верхушки, бездонная глубина его, — эта глубина, в которой пребывают гетевские матери и куда спускается Фауст, и не чувствуют они этого бурного дыхания поэзии, от которого поднимается волос на голове и ледяные мурашки пробегают по телу, и не замирает их сердце от трепетно-сладкого, захватывающего ощущения при чтении высоко-художественного произведения,

и не плачут они кровавыми слезами, когда трагическая коллизия, возвышаясь до пафоса... И... И...» и проч. [Панаев 1860: 427—428].

Отношения «угреватого поэта» с журналистом очень быстро ухудшились, затем произошел разрыв. Под влиянием обстоятельств и безденежья Вязников связался с кутящим «сыном разбогатевшего овощного торговца» и запил. Посвященный читатель, уловивший связь Вязникова и Григорьева, должен был воспринять и это как отсылку к бытовым обстоятельствам критика «молодой редакции». О настоящем образе жизни «москвитянинцев» известно скорее из своего рода мифа, чем из реальных свидетельств, однако тесные отношения с купеческим миром и склонность к разгулу были, пожалуй, наиболее стабильными элементами образа «молодой редакции». Констатируем, что, вполне возможно, мы имеем дело с одним из текстов, формировавших тот миф.

Запой закономерным образом привел Вязникова к гибели, и в данном случае быт героя и его творчество в очередной, последний раз представлены Панаевым в тесной связи:

Однажды он воротился домой пешком часу в шестом утра, упал на постель почти без памяти в своей мокрой шинели и уже не вставал... К вечеру, на следующий день, у него сделался сильный бред. Маша с песнею: «Мы две цыганки...», Гервинус с Ретшером, Надежда Кондратьевна с балаболками, журналист с ученым и строгим видом, Вихляев с пистолетом, купеческий сынок с бутылкой и Шекспиров Гамлет с вечным сомнением не давали ему покоя. Их имена не сходили у него с языка; он то метался на постели, то вскакивал и хотел с криком бежать, преследуемый раздраженными Гервинусом и Ретшером, которых он напрасно тревожил в статьях своих. <...> Доктор осмотрел больного, покачал головою и прописал лекарство. <...> и угреватый поэт через два дня умер [Панаев 1860: 432—433].

Так, соединив в ненужном уже для развития романа персонаже творческие и бытовые черты А. А. Григорьева, Панаев символически сливает их в макабрический запойный бред, а затем убивает и самого персонажа. Такая расправа с литературным соперником, как нам кажется, была вполне в духе Панаева, кото-

рый однажды отмахнулся от нападков другого «младомосквитянина» — Алмазова, — обозвав того «фельетонным насекомым» [Панаев 1851в: 145—146]. Подчеркнем, что, на наш взгляд, превращение «угреватого поэта» в Григорьева отнюдь не было запланировано заранее: ни одной черты критика в Вязникове «провинциальных» частей «Львов в провинции» мы не найдем. Зато, когда пришло время ответить литературным противникам, этот герой оказался вполне подходящим.

Введенная в сам роман по ходу его написания пародия на Григорьева свидетельствует о том, что границы между литературной критикой и повествовательным вымышленным текстом в литературе XIX в. были размыты. «Сериальный» роман наподобие «Львов в провинции» может и должен восприниматься, очевидно, не только в контексте собственно художественных повестей Панаева (именно так его, судя по всему, воспринимал Григорьев, увидевший в романе унижение истинного искусства), но и в контексте текущих фельетонов о литературе — типичного жанра на страницах журнала середины XIX в.

СОКРАЩЕНИЯ

Алмазов 1982 — Алмазов Б. Н. Сон по случаю одной комедии // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. М., 1982. С. 223—249.

Григорьев 1851а — Г[ригорьев А. А.] Комета, учено-литературный альманах, изд. Н. Щепкиным. Москва. 1851 г. Стр. 609, в 8 д. л. // Москвитянин. 1851. № 9—10. С. 169—178.

Григорьев 1851б — Григорьев А. А. Летопись московского театра // Москвитянин. 1851. № 13. С. 39—63.

Григорьев 1851в — Г[ригорьев А. А.] Современник. № 6. Июнь. № 7. Июль // Москвитянин. 1851. № 15. С. 337—350.

Григорьев 1852а — Г[ригорьев А. А.] Современник. Январь, 1852 // Москвитянин. 1852. № 3. Отд. 5. С. 81—88.

Григорьев 1852б — [Григорьев А. А.] Современник. Февраль, 1852 г. // Москвитянин. 1852. № 5. Отд. 5. С. 26—33.

Григорьев 1852в — [Григорьев А. А.] Библиотека для чтения. Март, № 3-й // Москвитянин. 1852. № 9. Отд. 5. С. 145—150.

Кони 1852 — [Кони Ф. А.] Беглый взгляд на главные события московской жизни с сентября 1851 года // Пантеон. Журнал литературно-художественный. 1852. № 3. Отд. 7. Московский вестник. С. 1—36.

Панаев 1851а — [Панаев И. И.] Заметки Нового поэта о русской журналистике. Июль 1851 // Современник. 1851. № 8. Отд. 6. С. 1—11.

Панаев 1851б — [Панаев И. И.] Заметки Нового поэта о русской журналистике. Сентябрь 1851 // Современник. 1851. № 10. Отд. 6. С. 1—20.

Панаев 1851в — [Панаев И. И.] Заметки Нового поэта о русской журналистике. Ноябрь 1851 // Современник. 1851. № 12. Отд. 6. С. 136—159.

Панаев 1860 — Панаев И.И. Сочинения: В 4 т. СПб., 1860. Т. 4.